

4. *Чупринский, А. И.* Белорусская пейзажная живопись XIX в. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / А. И. Чупринский. – 2004. – 26 с.
5. *Чупринский, А. И.* Бидермейер в белорусской живописи 1820–1850-х гг. XIX в. / А. И. Чупринский // Запіскі Беларускай акадэміі мастацтваў. – 1999. – № 2. – С. 70–78.
6. *Чупринский, А. И.* Стилиевое влияние бидермейера в пейзажных произведениях Ивана Хруцкого / А. И. Чупринский // Иван Хруцкий: жизнь, творчество, художественное наследие: материалы Международ. науч.-практ. конф., 2 февр. 2010 г., Минск, Бел. гос. акад. искусств / сост. и ред. А. Г. Шимелевич. – Минск, 2010. – С. 45–49.

О. П. Дмитриева, В. В. Куницкий

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Развитие школьного образования на территории Беларуси накануне и в годы Первой мировой войны вплоть до февраля 1917 г. определялось национальной политикой Российской империи.

Несмотря на то, что в начале XX в. белорусы, составлявшие 62,2 % от общего числа населения в регионе, превалировали над остальными этносами, белорусские школы оказались в крайне тяжелом положении [1, с. 52].

В школах дети белорусской национальности обучались только на русском языке. Белорусы католического вероисповедания часто принимались за поляков, а значит, их дети могли учиться в запрещенных царским правительством школах. И даже после революции 1905–1907 гг., давшей стимул к активизации белорусского национального движения, ситуация изменилась незначительно. Так, в ст. 16 законопроекта о начальном образовании, принятого Государственной думой в 1911 г., было прописано, что все учебные планы и учебники должны быть составлены исключительно на русском языке. Белорусам католического вероисповедания или других религий разрешали обучаться на родном для них языке. При этом белорусские ученики-католики должны были изучать религию на польском, так как они «были поляками и обязаны были говорить по-польски». Подобная ситуация была характерна и для украинского населения белорусских земель [2, с. 76; 3, с. 359–362].

В то же время российские власти нередко ставили под сомнение уровень владения польским языком белорусов-католиков. В материалах о начальном обучении по Виленскому губернскому округу за 1914 г. в отношении преподавания Закона Божия учащимся католического вероисповедания отмечалось, что «по существующим законоположениям, преподавание Закона Божия учащимся римско-католикам-белорусам должно быть на русском языке. Установление национальности учащихся, между

прочим, возлагается на инспекторов народных училищ. <...> Учащимся детям католиков-белорусов, выдающих себя за поляков, предлагается сказать две-три фразы по-польски – не могут. Тогда деликатно объясняется, что-де напрасно они причисляют себя к полякам; вот, например, учащиеся еврейские дети, – те с 5–6 лет говорят по-еврейски, а вы, выдающие себя за поляков, двух фраз не в состоянии связать по-польски. На экзаменах по Закону Божию, когда отец ксендз спрашивает историю по-польски, ученик или ученица молчат. Совсем другая получается картина, когда спрашивают по-русски: отвечают бойко» [4, с. 195]. Исходя из вышеописанной ситуации, российские чиновники делали вывод о том, что русский язык «ближе и роднее» учащимся белорусам-католикам.

На оккупированной (с осени 1915 г.) белорусской территории германская военная администрация проводила дерусификацию региона. При этом немецкие власти рассчитывали на помощь белорусскоязычного населения. Занятия в школе должны были проводиться исключительно на родном языке. В ноябре 1915 г. в Вильно была создана первая белорусская начальная школа. В 1916 г. их количество в городе выросло до пяти. К 1917 г. в Виленской и Гродненской губерниях действовало 126 белорусских школ, а в марте 1918 г. на территории Обер Ост насчитывалось 89 начальных белорусских школ [5, с. 51–52; 6, с. 316; 7, с. 5].

Следует учитывать то обстоятельство, что ряд уступок со стороны Германии в образовательной сфере был обусловлен не ее стремлением содействовать национальному школьному образованию на оккупированных территориях, а созданию относительного спокойствия и стабильности в захваченном регионе для осуществления более эффективного контроля и управления.

Количество польских школ в Беларуси в условиях существования Российской империи было незначительным. Поскольку в социальном, культурном и экономическом отношении польское дворянство в западных губерниях преобладало над белорусским, литовским и украинским крестьянством, российские власти опасались усиления польского влияния в регионе [8, с. 188].

При этом периодически поляки получали разрешение на открытие польскоязычных школ. Накануне Февральской революции 1917 г. их начальные школы существовали по всей неоккупированной территории Беларуси, однако многие из них были так называемыми «тайными школами», где большинство учителей составляли польские ксендзы, а в основе преподавания лежал религиозный аспект [9, л. 44; 10 с. 4].

На начальном этапе оккупации немецкое правительство способствовало открытию польских школ. В 1915–1916 учебном году только в Вильно и его окрестностях насчитывалось около 50 польскоязычных школ, в том числе 4 гимназии, где обучалось 800 человек. По мере усиления польского влияния в оккупированной части белорусского региона немецкие власти изменили курс в отношении этой национальности. Э. фон Людендорф, оценивая польское

культурное развитие оккупированных территорий, отметил, что «поляки очень скоро начали проявлять активность в области просвещения и хотели открыть в Вильно университет» [11, с. 183]. Однако оккупационные власти отклонили это предложение. Таким образом, немецкое командование старалось нейтрализовать польское влияние в регионе.

Оценивая литовское школьное дело на белорусских землях, авторы «Историко-политического очерка сущности национального вопроса в Белоруссии» отмечали: «В царские времена русификаторская политика проводилась весьма усердно. Литовцы не имели права издавать книги, газеты, единственная книга, по которой они обучали грамоте своих детей, – молитвенник. В результате – литовское население в Беларуси было в значительной части неграмотно и малокультурно» [9, л. 15–16].

Данная проблема остро воспринималась литовским сообществом. С 23 по 30 декабря 1913 г. на съезде по народному образованию в рамках работы инородческой секции были заслушаны доклады и сообщения по вопросам о начальной литовской школе. Принятая в ходе работы секции резолюция предусматривала введение в школах литовского языка как основного. Русский язык становился обязательным предметом, но его изучение должно было начинаться со второго года. Учитель мог быть не литовцем по национальности при условии, что он владеет литовским языком на достаточном для преподавания уровне. С целью подготовки педагогических кадров для начальных школ планировалось изучение литовского языка, истории литовского народа и географии региона. Также предполагалось создание в Вильно университета с кафедрами по литвоведению для подготовки преподавателей-лекторов, которые в дальнейшем бы работали в учебных учреждениях педагогического профиля. Примечательно, что одно из положений резолюции предусматривало в местностях с преимущественно литовским населением открытие школ на языках других национальностей при наличии не менее 20 детей школьного возраста данного этноса [12, с. 63, 70]. Однако Первая мировая война не позволила начать реализацию этих положений.

В начале XX в. евреи Беларуси составляли 14,1 % от общего числа населения и были одной из крупнейших национальных общностей региона. Уровень их грамотности был выше других национальных общностей, населявших Российскую империю. Так, грамотность на русском языке в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях составляла 14 % среди белорусов и 42 % среди евреев, а на идиш и иврите у последних была вдвое выше [1, с. 52, с. 68–69].

Вместе с тем царские власти не способствовали развитию еврейских школ. Количество правительственных школ было совсем незначительным. Хедеры (частные школы) носили в большей степени религиозный характер. В городских еврейских частных гимназиях, прогимназиях и реальных училищах занятия велись на русском языке [9, л. 43–44].

Несмотря на это, в Минске в военные годы действовала еврейская гимназия, при которой функционировали подготовительные классы. В гимназии обучались мальчики и девочки. Преподавание велось на идиш [13, с. 1].

В Пинске, где евреи составляли около 20 % от всего населения города, функционировало еврейское женское училище. На 1915/1916 учебный год был открыт набор. Регистрация учениц проходила в период с 26 апреля по 4 мая 1915 г. в доме господина Футермана, расположенном на Ганчарском переулке [14, с. 1].

С середины 1915 г. евреи получили право сдавать вступительные экзамены в средние учебные заведения на общих с православными лицами условиях [9, л. 43–44; 13, с. 2].

Немецкое командование не препятствовало сохранению традиционного уклада в сфере образования среди евреев в оккупированной части Беларуси. Так, одна из директив образовательной реформы, инициированной П. фон Гинденбургом в декабре 1915 – январе 1916 г., отдельно закрепляла право евреев вести богослужение во время религиозных занятий в школах на идиш [5, л. 51–52].

Таким образом, накануне и в годы Первой мировой войны на территории Беларуси, наряду с русскими школами, действовали школы белорусов, поляков, литовцев, евреев и других национальностей, населявших регион. Развитие национальных школ проходило медленными темпами на фоне многочисленных запретов и ограничений со стороны правительства Российской империи, а впоследствии и в условиях военного времени. В оккупированной части Беларуси национальные школы получили некоторые послабления, однако такая политика со стороны немецких властей не имела системного характера и полностью зависела от военной и политической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева, О. П. Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / О. П. Дмитриева. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 243 с.
2. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnota narodowa : Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin : Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.
3. Zaprudnik, J. Russo-Polish clashes in the state Dumas (1906–1917) over schools in the Russian Empire's «North-western region» (Belarus) / J. Zaprudnik // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зб. да 75-годдзя праф. А. Мальдзіса / Міжнар. асац. беларусістаў, Пол. ін-т у Мінску ; пад рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбекі. – Мінск, 2007. – С. 355–364.
4. По поводу преподавания Закона Божия учащимся римско-католического исповедания // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – 4 апр. – С. 194.

5. Отдел рукописей библиотеки Академии наук Литвы (ОРБАН Литвы). – Ф. 23. Д. 46/1. Л. 51–52.
6. *Белявина, В. Н.* Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с.
7. *Ціхаміраў, А.* Беларуска-літоўскія дачыненні ў 1914–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Спадчына. – 2000. – № 5/6. – С. 3–27.
8. *Лор, Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – 301 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 701. Оп. 1. Д. 40. Л. 15–16; 43–44.
10. О польских школах // Вечерние известия Минской газеты-копейки. – 1915. – 19 янв. – С. 4.
11. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о войне. 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – 799 с.
12. Резолюции, принятые инородческой секцией съезда по народному образованию // Вестник еврейского просвещения. – 1914. – март. – С. 63–75.
13. Объявление // Минская газета. – 1917. – 1 ноября. – С. 1.
14. Объявление // Объединение: газета Полесья. – 1915. – 1 мая. – С. 1.
15. Циркуляр Министерства народного просвещения в изменение существующих распоряжений о приеме евреев в средние учебные заведения на текущий год // Наш край. – 1915. – 6 апр. – С. 2.

М. М. Смольянинов

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ОТ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ В 1918 ГОДУ

В результате заключения между Советской Россией и Германией 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора белорусские земли почти полностью были оккупированы германскими войсками. Семь южных уездов, образовав Полесскую область, германцы передали Украинской центральной раде за ее вооруженную поддержку; пять уездов Минской и Могилёвской губерний составляли район оккупации 1-го Польского корпуса Довбор-Мусницкого, выступившего против Советской власти.

С первых дней оккупации белорусских земель в 1915 г. политика германских властей была направлена на максимальную эксплуатацию природных ресурсов: лесных богатств, залежей торфа, фосфоритов. Объектом большой хозяйственной ценности для них представлялась Беловежская пуца, из которой оккупанты планировали вывозить 1–1,5 млн м³ древесины в год [1, с. 107]. Хозяйничанье германских оккупационных властей на белорусских землях показало свой колониальный характер, целью которого являлись хищническая эксплуатация производственных и природных ресурсов, ограбление белорусского народа в интересах первоочередного удовлетворения потребностей Германии и ее войск.